

Культура и идентичность

DOI: 10.23932/2542-0240 -2017-10-3-14-33

Алексей Алексеевич КРИВОПАЛОВ

Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества»

Докучаев пер., 4, Москва, 107078, Российская Федерация

kriyopalov@centero.ru

ORCID: 0000-0002-7916-036X

Армия, общество и государство в поисках оптимальной формы взаимодействия

АННОТАЦИЯ. В статье предпринята попытка рассмотреть наиболее характерные для современности форматы гражданско-военных отношений. С этой целью автор последовательно обращается к опыту Соединённых Штатов Америки, Западной Европы, России и Китая. Классическая западная система гражданско-военных отношений, реализованная в США и Западной Европе, предполагает строгую изоляцию армии от политики и политики от армии. Она ставит надёжный барьер на пути вмешательства вооружённых сил в сферу ответственности гражданской власти, но при этом серьёзно затрунует связь между политикой и стратегией. Западный подход к регулированию сферы гражданско-военных отношений не может иметь эффективного применения за пределами Запада. Для российской модели характерно слабое развитие институтов, но это не мешает верховной власти держать вооружённые силы под неослабным политическим контролем. Китайская практика господства политической элиты над армией также не формализована. Во многих аспектах наблюдающаяся в Китае картина плотной опеки армии со стороны коммунистической партии напоминает советскую традицию, хотя при этом сохраняются и существенные отличия. Фигура воина никогда не имела в конфуцианской культуре того значения и авторитета, какие она обрела в культу-

ре христианского Запада. Эффективность механизма гражданского контроля вооружённых сил не всегда возможно сравнивать по единым критериям. Не везде взаимоотношения политического руководства и вооружённых сил определяются нормативно. Для оценки неформального статуса армии внутри общества приходится принимать во внимание такой косвенный признак, как организация системы высшего военного управления. Автор приходит к выводу, что ни одна из утвердившихся в мире практик гражданско-военных отношений не может считаться универсальной и общеприменимой. Каждая из них остаётся исторически обусловленной и не может быть правильно понята вне контекста политических реалий рассматриваемой страны. Все известные модели гражданско-военного взаимодействия наряду с достоинствами обладают и серьёзными недостатками.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: армия, общество, государство, гражданско-военные отношения, система военного управления, политика, генеральный штаб

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кривопалов А.А. (2017). Армия, общество и государство в поисках оптимальной формы взаимодействия. *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (3). 14-33. DOI: 10.23932/2542-0240 -2017-10-3-14-33

Culture and Identity

DOI: 10.23932/2542-0240 -2017-10-3-14-33

Alexey A. KRIVOPALOV

Association of Independent Experts "Center for Crisis Society Studies"

4, Dokuchaev per., Moscow, Russian Federation, 107078

krivopalov@centero.ru

ORCID: 0000-0002-7916-036X

Army, Society and State in Search of a Preferable Model of Cooperation

ABSTRACT. *The author attempts to define the most relevant formats of civil-military relationships. In order to do it, the author refers to the experience from the USA, Western Europe, Russia and China. Classical Western system of civil-military relationships can be found in the USA and Western Europe and characterized by the strict separation of an army from politics and vice versa. This leads to the situation, when an army has no influence on the spheres of civic power, while also weakening the link between politics and strategy. The author claims that the western approach to the regulation of civil-military relationships cannot be implemented outside of the West. Thus, although Russian political system is characterized as a system with weak political institutes, the Russian model demonstrates the ability of state to control military forces. In China, where political elite dominates an army, the system of civil-military relationships is also tacit. Many aspects of the Chinese system with the communist party's control of an army has much in common with the Soviet experience. However, it does not reduce the significant unique characters of the Chinese system. Thus, the image of warrior in the Confucian culture never found such a great level of popularity, which was relevant for the Christian Western culture. The efficiency of the civil control of army can not be compared, according to some uniform criteria. Such systems and mechanisms in a range of states are not de-*

finied in a normative way. In order to assess the informal status of an army in a society, we have to consider such an indirect aspect as the ways of the organization of the military high command system. The author concludes by stating that there is no mechanisms and systems of civil-military relationships, which can be implemented universally. All of them are determined by the country's history and cannot be understand outside the political context. Besides, all of the considered models have both: advantages and disadvantages.

KEYWORDS: *army, society, state, civil-military relations, system of military management, politics, general staff*

FOR CITATION: Krivopalov A.A. (2017). Army, Society and State in Search of a Preferable Model of Cooperation. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (3). 14-33. DOI: 10.23932/2542-0240 -2017-10-3-14-33

Последние десятилетия рассмотрение сферы гражданско-военных отношений как особого раздела социологии либо как части проблемы государственной политики приобретает на Западе всё более широкую популярность. В идеальных условиях гармония гражданско-военных отношений должна обеспечивать вооружённым силам максимально благоприятные усло-

вия для совершенствования их совокупной боевой мощи.

Современная концепция гражданско-военных отношений сложилась в Европе и США эволюционным путём. Определённые элементы гражданско-военных отношений можно было увидеть уже в древнем Риме, где профессиональное войско, а впоследствии императорская Преторианская гвардия в определённых случаях могли играть решающую политическую роль. Зачатки регулирования отношений между армией и обществом возникли в Европе в Новое время, когда так называемого «коллективного Запада» как единого социально-политического феномена ещё не существовало. Данный процесс шёл рука об руку с генезисом профессиональной бюрократии (Weber, 2013, p. 981).

В большинстве демократических государств в основе гражданско-военных отношений лежат несколько базовых принципов. Во-первых, это жёсткое разделение сфер ответственности гражданской и военной бюрократии. Во-вторых, профессионализация военной службы. В-третьих, строгие ограничения на вмешательство военных в процесс принятия политических решений. Подобная практика естественным образом проистекает из той традиции организации публичной сферы, которая исторически сложилась в Западной Европе, где государство и его институты выступали в роли надстройки над гражданским обществом.

Идеалы и этика служения, предполагавшие в прошлые века личную присягу суверену, стали достоянием истории. Их рудименты в виде процедуры воинской присяги остаются¹. Однако торжественная клятва верности даётся не монарху как первому офицеру, но коллективной и обезличенной гражданской нации, а также разделяемому этой нацией набору либерально-эгалитарных ценностей.

Задача данной статьи заключается в том, чтобы в порядке постановки проблемы отметить наиболее характерные для современного мира формы гражданско-военных отношений. Поскольку за пределами Запада гражданско-военные отношения, как правило, отличаются слабым нормативным регулированием, сравнение этих форм между собой представляет известную сложность. Различные механизмы контроля армии гражданским обществом и политической властью не всегда можно сопоставить напрямую и по единым критериям. В этом случае мы вынуждены прибегать к сравнению по косвенным признакам, рассматривая работу систем высшего военного управления. Основанием для этого служит то, что формальное и неформальное влияние различных его органов во многом есть не что иное, как отражённый свет того статуса, которым обладают вооружённые силы внутри данного общества.

Генезис англосаксонской традиции гражданско-военных отношений

Как известно, именно американская система регулирования гражданско-военных отношений многими экспертами сегодня признаётся классической. Однако она несёт в себе все признаки вторичности, поскольку изначально развивалась под сильным влиянием весьма специфического британского опыта. Последний же может быть правильно понят и интерпретирован лишь в сопоставлении с опытом других держав континентальной Европы.

Англия уже в XVII в. пережила опыт установления в стране военной диктатуры. В 1653–1658 гг., после казни короля Карла I и провозглашения республики, высшая власть в Англии оказалась в руках

1 О значении присяги как формы символического единения с харизмой военного лидера см. подробнее: (Weber, 2013, p. 1117–1118).

лорда-протектора О. Кромвеля, который опирался на созданную им в ходе гражданской войны постоянную армию. После реставрации монархии к власти вернулась аристократическая олигархия, которая оставалась ведущей политической силой королевства вплоть до середины XIX столетия. Несмотря на то что армия, в отличие от флота, продолжала находиться в сфере действия королевской прерогативы, аристократия сделала всё, чтобы опыт Кромвеля более никогда не повторился. На протяжении двух столетий английская знать исповедовала принцип последовательного снижения социального статуса офицерского корпуса. Для того чтобы упрочить связь между армией, аристократией и парламентом, но при этом исключить саму возможность формирования в армии корпоративно сплоченного профессионального офицерского корпуса, начиная с 1683 г. в Англии получила распространение практика продажи офицерских патентов, покупателями которых становились отпрыски знатных фамилий.

Этот обычай сохранился в Великобритании вплоть до 1871 г., несмотря на то, что в континентальной Европе к тому времени уже наступила эпоха массовых армий, складывалась централизованная военная администрация, а непременным условием успешной карьеры офицера становилось получение им специального военного образования. По мнению британского историка Х. Строна, нигде в Европе генезис службы генерального штаба не проходил медленнее, чем в Великобритании. «Чем многочисленнее становилась армия, – считает он, – тем очевиднее отсутствие службы генерального штаба приобретало черты преступной халатности» (Strachan, 1984, p. 146, 148).

Как полагал Э. Даниэльс, «британская армия чуждалась всякого прогресса. <...> Она чувствовала инстинктивную потребность отставать. Ведь она являлась династически-сословным ископаемым в современной ей парламентско-демократической жизни. Армия сама

сознавала, что походит на хорошо сохранившийся в какой-то оболочке древний папирус, который рассыпается в пыль на свежем воздухе» (Дельбрюк, 1937, с. 92).

В XVII–XVIII вв. парламент всегда относился к армии неблагоприятно именно по той причине, что это была королевская армия. Напротив, в отношении флота, который ещё во время революции встал на сторону Долгого парламента, парламентское правительство всегда было очень щедро. Это был именно парламентский флот (Дельбрюк, 1937, с. 91).

Со второй половины XIX в. роль аристократии в государственном управлении постепенно снижалась. Глубокие военные реформы, проведённые в Великобритании в конце XIX – начале XX в., покончили с торговлей офицерскими патентами и другими анахронизмами вроде запрета на формирование в мирное время дивизий и корпусов как постоянных войсковых соединений. Тем не менее последовательное подчинение армии гражданскому контролю осталось базовым принципом англосаксонской политической культуры. Позднее британский опыт практически в точности был воспроизведён в США.

В отличие от Германии, отмечал британский исследователь Э. Кингстон-Макклори, военная каста Великобритании редко занимала преобладающее положение в мирное время или в области гражданских дел. Правда, во время Первой мировой войны влияние военных кругов стало почти преобладающим, и этим объясняется недоверие премьер-министра Д. Ллойд-Джорджа к главнокомандующему британскими войсками во Франции фельдмаршалу Д. Хейгу. Такая слабость политического руководства никогда не имела места в то время, когда у власти стоял У. Черчилль; отношения между Ф. Рузвельтом и его военными руководителями были менее ясными (Кингстон-Макклори, 1957, с. 337).

В Соединённых Штатах – стране с развитым гражданским обществом и хорошо структурированной публичной сфе-

рой – роль и назначение вооружённых сил можно определить нормативно. В качестве теоретической основы изучения «civil-military relations» в США было написано несколько базовых работ (Goodpaster, Huntington, 1977; Desch, 1999; Feaver, Kohn, 2001; Finer, 2002; Langston, 2003; Cohen, 2003; Herspring, 2005; Schiff, 2009; Owens, 2011), центральными из которых по сей день остаются исследования С. Хантингтона и М. Яновица (Huntington, 1957; Janowitz, 1960). Назначение американской армии видится в том, чтобы оказывать обществу хорошо оплачиваемые услуги по обеспечению безопасности последнего. Солдат по весьма характерной формуле С. Хантингтона призван быть «специалистом по применению насилия» (Taylor, 2003, p. 336). В классической американской модели политика стремится к повышению профессиональной эффективности армии, но не ценой превращения последней в угрозу для демократического политического порядка.

При жёстком разграничении военной и политической функций в рамках западной традиции гражданско-военных отношений крайне сложным становится преодоление того интегрального конфликта, который существует между линейной логикой политики и парадоксальной логикой стратегии. Для государственной власти, вынужденной отчитываться перед гражданским обществом в своих действиях, подобная задача становится вдвойне сложной. «Чтобы сохранить власть и авторитет, – полагает классик американской военной мысли Э. Люттвак, – демократические лидеры должны подчиняться прямолинейной логике политики. Это значит, например, что они не могут действовать парадоксально» (Люттвак, 2012, с. 75). Далеко не случайно почти все военные в таких государствах считают почти всех политиков либо слишком дерзкими,

либо слишком робкими (Люттвак, 2012, с. 195). «Трудно сохранять общественную поддержку парадоксальной политики, если последнюю неизбежно приходится объяснять через враждебное ей посредство дискурса, основанного на здравом смысле. Только диктатуры могут проводить внешне противоречивую политику, ограничиваясь лишь немногими объяснениями или вовсе обходясь без них» (Люттвак, 2012, с. 325).

Когда настойчивое стремление государственной власти ограничить вмешательство армии в процесс принятия политических решений усиливается встречным стремлением армии к тому, чтобы максимально защититься от некомпетентного вторжения гражданских политиков в оперативно-тактические вопросы, обратная связь между политикой и стратегией оказывается под угрозой. Одной из первых жертв на этом пути в Вооружённых силах США сделалось оперативное искусство.

Учение об оперативном уровне войны впервые было внедрено в американскую военную доктрину уставом FM 100-5 от 1982 г.² И хотя делалось это в значительной степени с оглядкой на достижения советской военной мысли, американцы в корне неверно интерпретировали основные положения советской теории. В отличие от СССР в Соединённых Штатах рассматривали оперативный уровень войны как средство ограничения вмешательства политиков в чисто военные вопросы. В этом виделся один из способов дальнейшей профессионализации офицерского корпуса.

Советский подход предполагал органичную интеграцию тактики и стратегии на каждом эшелоне командования. Американский же был нацелен на их разделение с задачей не допустить повторения тех тренировок, которые возникли в ходе Вьетнам-

2 McGrew M.A. Politics and the operational level of war. School of advanced military studies United States Army Command and General Staff College. Fort Leavenworth, Kansas. AY 2010–2 011.P. ii, 1, 5, 13, 15.

ской войны между высшим политическим руководством США и командованием на театре военных действий. Советская концепция оперативного искусства была продолжением учения К. фон Клаузевица о взаимодействии тактики и стратегии. Американцы же стремились к тому, чтобы адаптировать её к своим нуждам, игнорируя как политический, так и стратегический контекст той обстановки, в которой она зародилась³.

С. Хантингтон настаивал на необходимости строгой границы между политическим решением и его последующим военным исполнением. Однако эту идею было практически невозможно воплотить в жизнь, ибо война как продолжение политики другими средствами обречена сохранять свою сугубо политическую природу. Вследствие политической природы войны невозможно ограничить влияние политики на принципы и методы использования войск на тактическом уровне. Стратегия на верхних эшелонах принятия решений зависит от политики подобно тому, как на поле боя тактика вынуждена подчиняться соображениям оперативного порядка.

Итак, в Америке действуют эффективные механизмы гражданского контроля над армией. Что бы ни случилось, демократически избранное правительство США едва ли имеет основания опасаться прямого противодействия либо открытого неповиновения со стороны генералитета. Может возникнуть противостояние исполнительной власти и командования на театре военных действий из-за превышения последним его полномочий, как это произошло в случае с генералом Д. Макартом и президентом Г. Труменом в 1951 г., в разгар Корейской войны⁴. До некоторой степени возможен даже ползучий саботаж

президентских распоряжений, противодействие неуместной с точки зрения Пентагона и американского разведывательного сообщества активности непопулярного президента, как это наблюдается в первые месяцы после избрания на этот пост Д. Трампа. Но угроза открытого мятежа и военного переворота, если и существует в США, то чисто гипотетически.

Исключение армии из политики и политики из армии чревато пусть и не столь очевидной, но от этого не менее серьёзной опасностью. Речь идёт об утрате взаимопонимания между политикой и стратегией. Американская политика не формулирует для американской стратегии адекватных и посильных для неё задач. Если политика последовательно ставит перед стратегией цели, недостижимые военными средствами, победа в общепринятом смысле этого слова также становится недостижимой. Вернее, военные успехи просто не конвертируются в долгосрочные политические преимущества. После фиаско во Вьетнаме, Ираке и Афганистане политики обвиняли в неудачах недостаточную эффективность армии, а военные – деструктивное вмешательство политики в сферу их профессиональной компетенции. Однако бессмысленные споры об ответственности никак не приближают решение этой фундаментальной проблемы.

Гражданско-военные отношения в континентальной Европе

В европейское Новое время место военного сословия в монархическом и республиканском государстве различалось столь же радикально, как положение армии и военной бюрократии в политической системе

3 Ibid.

4 См.: Potter A.R. The Truman-MacArthur controversy: a study in political-military relations. A thesis presented to the Faculty of the United States Army Command and General Staff College in partial fulfillment of the requirements of the degree Master of Military art and Science. Fort Leavenworth. Kansas. 1972.

современных демократических и недемократических государств. Прототипом всех профессиональных европейских армий стала созданная М. Оранским армия Республики Соединённых Провинций Нидерландов. В 1600–1700 гг. её численность увеличилась в пять раз. Однако образец, созданный республикой, долгое время оставался сомнительным ориентиром для большинства европейских монархий (Хеншелл, 2003, с. 52). Каждая из великих европейских держав сама вырабатывала общие принципы взаимодействия между военным сословием, правящей династией и аристократией, олицетворявшей общество на тогдашнем этапе исторического развития.

Над историей гражданско-военных отношений во Франции по сей день нависает могучая тень Наполеона. Пример успешного полководца, который с опорой на армию сначала становится диктатором, а потом ликвидирует республиканскую форму правления и превращается в императора, с тех пор сделался хрестоматийным. С конца XVIII в. вплоть до наших дней любая республика вынуждена относиться к собственным вооружённым силам с определённой опаской, создавая механизмы ограничения их вмешательства в политическую жизнь (Forcade, Duhamel, Vial, 1999, p. 21–35).

После 1789 г. для Франции было характерно глубокое взаимное недоверие между государством и его армией. Ситуация острого кризиса с небольшими нюансами воспроизводилась от Наполеона до генерала де Голля. Любое правительство вплоть до 1962 г. было вынуждено считаться с потенциальной угрозой военного мятежа. В результате при всех политических коллизиях Франция отдавала предпочтение принципу военной централизации. Ставка делалась на создание мощной военной администрации, полностью интегрированной в гражданский государственный аппарат (Griffith, 1989; McElwee, 1974, p. 34–37).

На другом конце условной сравнительной шкалы находились военно-

бюрократические государства Центральной и Восточной Европы. В первую очередь Пруссия, которая, по известному изречению Наполеона, «вылупилась из пушечного ядра». Долгое время королевство существовало по принципу армейского лагеря и стояло перед необходимостью тратить на военные нужды большую часть государственных доходов. В прусском военно-бюрократическом режиме эпохи просвещённого абсолютизма роль армии оставалась огромной. Её теснейшая связь с династией подчёркивалась тем, что царствующий монарх носил мундир и, по сути, выступал в роли первого офицера королевства.

Постепенная профессионализация военной службы и наличие «королевского щита» способствовали превращению прусского офицерского корпуса в замкнутую касту, связанную с обществом и остальной страной не иначе как посредством личной присяги монарху.

В отличие от Пруссии Австрийская империя «военным государством» не была никогда (Rothenberg, 1976, p. X). Как и в Британии, взаимоотношения армии и общества в виде двора и привилегированных сословий осложняла тяжёлая «родовая травма». Если в Англии на восприятие армии аристократией и королевским двором влияли неприятные воспоминания о Кромвеле, то в Австрии – о генералиссимусе Валленштейне, талантливым полководце, бросившем вызов династии в разгар Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. В результате с середины XVII до середины XIX века любой австрийский военачальник на театре войны находился под постоянным контролем гофкригсрата – императорского военного совета, имевшего право вмешиваться в его распоряжения.

Различия между крупнейшими европейскими армиями хорошо прослеживаются на примере их отношения к идее создания независимого Генерального штаба – постоянно действующего органа долгосрочного стратегического планирования. Стре-

мительный количественный рост армий, развитие железнодорожного транспорта и быстрый прогресс в области вооружений, связанные с наступлением эпохи промышленной революции и массовой индустриализацией во второй половине XIX в., резко ужесточили требования, предъявляемые к системам высшего военного управления. Одно лишь создание, содержание и практически перманентное перевооружение современной массовой армии оказалось задачей крайне сложной и связанной с огромными финансовыми затратами. Но после создания «больших чисел» на первый план выходила проблема их эффективного использования на поле боя. Организация боевой работы огромных современных армий на театре войны становилась невозможной как без хорошо отлаженной системы тылового обеспечения, так и без высокопрофессиональной штабной службы, отвечавшей за планирование и проведение боевых операций.

Классической моделью высшего военного управления, при которой Генеральный штаб вырастает в независимый военно-политический институт, приобретающий огромную роль в формировании военной и внешней политики государства, считается прусско-германский Большой Генеральный штаб. Остальные органы военного управления, в первую очередь Военный кабинет и Военное министерство, играли по отношению к Генштабу вспомогательную роль, сосредотачиваясь на вопросах строевого управления и административно-хозяйственного обеспечения армии.

С одной стороны, по опыту войн второй половины XIX столетия и обеих мировых войн наличие школы и традиции Генерального штаба обеспечили германской армии очевидное профессиональное

превосходство (Lupfer, 1977) над каждым из её противников, но, с другой стороны, нигде за пределами Германии стена, разделявшая военную корпорацию и остальное общество, не была столь непроницаемой. Дальнейшая эволюция германской военной системы, несмотря на её очевидные профессиональные достоинства, была приостановлена в результате поражения Германии во Второй мировой войне (Демертер, 2007; Гёрлиц, 2005; Согум, 1994).

Однако отдельные элементы исчезнувшей германской модели всё же сохранились. Её следы, к примеру, можно увидеть даже в армии США. Генералы У. Депью и Д. Старри, осуществлявшие в 1970-е – 1980-е гг. программу военных реформ после Вьетнамской войны, испытывали на себе сильное германское влияние и с целью повышения оперативной гибкости американских вооружённых сил пытались внедрить немецкие принципы директивного управления войсками (Blom, 2006, p. 84–91)⁵.

Как ни парадоксально, развивавшиеся при тесной военно-технической поддержке США Вооружённые силы Израиля, несмотря на режим парламентской демократии, ближе, чем какая-либо другая современная западная армия, подошли к той классической германской модели военного управления, внутри которой однозначно доминировал независимый орган стратегического планирования. Особый статус Генерального штаба и высокое положение его начальника в политической элите страны очевидно проистекает не из какой-то особой симпатии израильтян к традициям прусского милитаризма, но продиктован более или менее универсальной логикой адаптации маленького государства к условиям существования во враждебном окружении. Риск вмешательства во-

5 См., также: Eisel IV G.W. *Befehlstaktik and the Red Army experience: are there lessons for us?* School of advanced military studies United States Army Command and General Staff College. Fort Leavenworth. Kansas. First term 1992–1993; McGrew M.A. *Politics and the operational level of war.* School of advanced military studies United States Army Command and General Staff College. Fort Leavenworth, Kansas. AY 2010–2011.

енных в политику и милитаризация многих сторон общественной жизни видится приемлемой ценой, которую необходимо платить за достижение высокого уровня оперативного управления войсками и военно-техническое превосходство над агрессивными соседями.

Итак, в прошлом гражданско-военные отношения в Западной Европе отличались более заметным разнообразием. Лишь после окончания Второй мировой войны, в результате крушения старой Германии и создания НАТО, началась их унификация по американскому образцу.

Армия и государство в России: личности впереди институтов

В России по причине перманентной военной опасности армия исторически играла совершенно особую роль. Близость армии к правящей династии, а также тот факт, что свой высокий международный статус Россия приобрела в беспрестанных войнах, в какой-то степени роднил её с устройством прусского «военного государства». Однако сохранялось и существенное отличие. По германским меркам, в России крайне медленно складывалась профессиональная бюрократия и как следствие – современная военная администрация. Военная политика в России решающим образом зависела от взаимопонимания между первым лицом государства и теми, кто в его глазах отвечал за состояние вооружённых сил.

Вооружённые силы, и в первую очередь гвардия, на протяжении большей части XVIII столетия играли заметную роль, приняв участие в серии дворцовых переворотов. Однако, как и в случае с янычарами в Османской империи, традиция участия в заговорах и восстаниях с целью насильственного смещения неугодных монархов лишь с очень большой натяжкой может быть расценена в качестве элемента гражданско-военных отношений в их современном смысле.

По мере генезиса профессиональной бюрократии и эмансипации политики от жизни двора рядом с каждым из царствующих императоров возникала одна или несколько фигур, отвечающих перед верховной властью за состояние дел по военной части. Их должности могли варьироваться, а ведомственная принадлежность не играла принципиальной роли, поскольку личности в России были и остаются важнее планомерной работы любых институтов.

Бесспорно, верховным вождем русской армии был император. Однако самодержавные правители России от Петра Великого до Николая II редко командовали войсками непосредственно на поле боя. Идеальным типом «полководца на троне» был Пётр I. Ставка царя в разгар Северной войны 1700–1721 гг., по сути, играла роль передвижной столицы. Монарх воплощал единство законодательной, судебной, распорядительной и военной власти. Император лично занимался повседневным управлением армией по строевой части. Совместно с ближним кругом советников, в первую очередь с фельдмаршалом Б.П. Шереметевым, он составлял военные планы и руководил тыловым обеспечением. При Лесной и Полтаве царь лично вёл полки в бой. Впоследствии по мере усложнения военного дела никто из наследников Петра уже не пытался добиться столь же абсолютной полноты личного контроля над армией, хотя императоры Александр I, Николай I и Александр II в ходе войн XIX столетия могли выезжать на театр боевых действий.

По мере увеличения численности армии и усложнения работы её администрации император уже не мог сохранять личный контроль над всеми отраслями высшего военного управления. При отсутствии в России на государственном уровне институционально оформленных центров принятия решений не приходилось удивляться тому, что внешнеполитический и военно-стратегический курс страны вырабатывался лично монархом и узким кру-

гом его ближайших советников (Айрапетов, 1998, с. 5).

После 1815 г. в военных вопросах значительным влиянием на императора Александра I в должности начальника Главного штаба его императорского величества пользовались генералы П.М. Волконский и сменивший его И.И. Дибич. В царствование Николая I решающее влияние на русскую стратегию оказывал главнокомандующий Большой Действующей армией фельдмаршал И.Ф. Паскевич. При этом третьим участником негласного «триумвирата» во главе с монархом был военный министр А.И. Чернышёв (Kagan, 1999).

В позднейшей эпохи работа системы высшего военного управления, как правило, выстраивалась по аналогичной схеме. Правой рукой Александра II был реформатор русской армии военный министр Д.А. Милютин, а начальник Главного штаба генерал-адъютант Н.Н. Обручев стал незаменимым советником императора Александра III.

К началу XX в. военное дело усложнилось настолько, что требовало от руководителя боевыми операциями серьёзных специальных знаний, полученных в стенах Военной академии. Истинным координатором военных усилий России в 1915–1917 гг., если к русской стратегии в Великой войне вообще было применено понятие «координация», был генерал-адъютант М.В. Алексеев. Николай II хотя и принял на себя верховное командование в разгар Первой мировой войны, фактически мог руководить действиями многомиллионной армии лишь опираясь на мощный и разветвлённый военный аппарат, в основе которого находился корпус офицеров Генерального штаба. Корпорация генштабистов быстро увеличивала своё влияние в поздней Российской империи (Ганин, 2009, с. 11, 15–17).

События 1917 г. в одночасье отменили всю старую военно-политическую элиту императорской России. Новая армия создавалась революционной партией по образу и подобию своему, в том числе пу-

тём опрокидывания революционных доктрин в практику военного строительства. Несмотря на то, что большевики активно привлекали на службу в Красную армию так называемых военспецов, право за ними на самостоятельность в решении даже чисто профессиональных вопросов лидеры Советской республики не признавали никогда. Сформировавшаяся в последние десятилетия существования императорской России корпорация генштабистов при новой власти быстро распрощалась со своим привилегированным положением (Ганин, 2016, с. 37–41).

В 1920-е гг. старорежимное офицерство в корпоративном смысле окончательно раздробилось. В попытке хоть как-то сохранить собственное положение ветераны императорской армии примыкали к той или иной фракции РКП(б). В конце 1920-х гг. в партийно-политической борьбе одержала верх группа сторонников И.В. Сталина. Это не сулило военспецам из числа бывших офицеров ничего хорошего, поскольку Сталин ещё с Гражданской войны относился к ним с глубоким недоверием. В дальнейшем руками чекистов Сталин в несколько приёмов практически полностью очистил Красную армию от этого потенциально нелояльного элемента (Ганин, 2009, с. 82–83).

Единственным реликтом императорского Генштаба и его Академии на советском военно-политическом олимпе, благополучно пережив несколько волн репрессий, остался Б.М. Шапошников. Выдающийся военный учёный сохранил жизнь, свободу и высокое положение в армии единственно благодаря благоволению к нему вождя. Шапошников внёс огромный вклад в развитие советской военной теории. Он принимал деятельное участие в мобилизационном планировании, а с середины 1930-х гг., по сути, превратился в неформального советника Сталина по широкому кругу оперативных и стратегических вопросов.

В годы Великой Отечественной войны маршал Шапошников возглавлял Гене-

ральный штаб в самые чёрные дни 1941 г. (Штеменко, 1981). Под его руководством Красной армии удалось остановить противника, стабилизировать линию фронта и перейти в контрнаступление. Борис Михайлович сохранил доверие Сталина даже после ухода с поста начальника Генштаба в связи с тяжёлыми поражениями под Харьковом и Керчью в мае 1942 г. По всей видимости, лишь в годы войны Генштаб как институт на короткое время приобрёл в глазах верховной власти больший авторитет и значение, чем личности, его возглавлявшие.

Ещё одной значительной фигурой, находившейся рядом со Сталиным в период предвоенной модернизации Красной армии, был М.Н. Тухачевский. В должности первого заместителя наркома обороны самый молодой советский маршал отвечал в основном за индустриальный и научно-технический аспект военного строительства (Самуэльсон, 2001; Samuelson, 2000). Как и Шапошников, во внутриполитической борьбе 1920-х Тухачевский сделал ставку на Сталина. Его значительное влияние на военные дела не вытекало из самостоятельности и высокого статуса какого-либо органа высшего военного управления, но также строилось в основном на личных отношениях с советским лидером. Когда к середине 1930-х годов ресурс сталинского доверия иссяк, трагический финал Тухачевского становился лишь вопросом времени. Самых общих подозрений диктатора в том, что честолюбивый маршал стремится играть в армии самостоятельную политическую роль, хватило для того, чтобы обрушить на его голову всю мощь карательной машины НКВД.

Хотя Красная армия и была прямым порождением советской власти, партийная элита в глубине души всегда опасалась военных. От французских республиканцев большевики унаследовали экзистенциальный страх перед повторением 18 брюмера. При советской власти контроль над идеологическим воспитанием военнослужащих был практически всеохватным, а сеть

партийных комитетов снизу доверху пронизывала военную иерархию.

С самых первых дней существования Красной армии большевики подчёркивали, что они строят армию нового типа. И в этой армии целесообразность нередко приносилась в жертву идеологии. Теоретическими основами военного строительства стали догматические взгляды русской революционной интеллигенции на природу военного дела. Революционный боец пришёл на смену солдату, красный командир сменил офицера, революционная сознательность вытеснила воинскую дисциплину (Смирнов, 2013а; Смирнов, 2013b; Смирнов, 2011; Смирнов, 2004).

С одной стороны, идеологические установки большевиков самым негативным образом отражались на боевой эффективности и профессионализме Красной армии. С другой стороны, они сделали армию практически абсолютно послушной воле партийно-государственной власти. Даже когда армия в 1941–1942 гг. прошла через полосу страшных поражений и судьба страны висела на волоске, никто из представителей старшего генералитета не мог и помыслить о том, чтобы бросить вызов политическому лидерству Сталина. И совсем другую картину на этом фоне являла собой Германия, где относительная корпоративная автономия офицерского корпуса в конечном итоге привела к заговору и попытке покушения на А. Гитлера.

В послевоенном СССР статус военной элиты внутри элиты общегосударственной по-прежнему определялся не правовыми нормами, но проистекал из неформального влияния наиболее авторитетных представителей армейской верхушки. Иными словами, статус военной элиты был лишён институционального оформления. Хотя сами институты и существовали, их аппаратный вес оставался производной величиной от влияния стоявших за ними личностей. Д. Энди, автор исследовательской работы, рассматривавшей отношения советского генералитета с Н.С. Хрущёвым, хорошо пока-

зал это на примере карьерных взлётов и падений Г.К. Жукова, Р.Я. Малиновского, К.С. Москаленко и С.С. Бирюзова⁶.

Желание американцев взглянуть на практику гражданско-военных отношений в Советском Союзе с высоты американского опыта подчас приводило их военных аналитиков к достаточно спорным выводам. В годы «холодной войны» американские наблюдатели нередко предавались иллюзиям в отношении того, что Советская армия будто бы сможет оспорить ведущую политическую роль КПСС, отстаивать свои корпоративные интересы и права и чуть ли не осуществить успешный дворцовый переворот (Conquest, 1961, p. 330). Хотя любому современнику, мало-мальски знакомому с советскими реалиями, должна была быть очевидна совершенная беспочвенность подобных ожиданий. По всей видимости, сегодня сходную ошибку американцы склонны допускать в отношении Китая, рассуждая о взаимодействии КПК и Народно-освободительной армии (Blasko, 2012; The Culture..., 2009).

В реальности в 1937–1938 гг. советское государство раз и навсегда объяснило армии, какая судьба будет уготована любому старшему военачальнику, если тот рискнёт добиваться политической самостоятельности. Логика расправы Н.С. Хрущёва над маршалом Г.К. Жуковым осенью 1957 г., в сущности, оставалась той же, что и логика расправы Сталина над элитой Красной армии в период «большого террора». Лишь постольку, поскольку после смерти вождя правила игры в советской политике сделались мягче, опала Жукова не сопровождалась его физическим устранением. Маршал, как известно, избежал ареста, суда и казни. Хрущёв ограничился снятием его с должности министра обороны, шельмованием и последующим увольнением из армии.

Несмотря на то, что в середине XX в. на карте мира трудно было отыскать два столь же непохожих друг на друга общества, как советское и американское, общая логика в «деле Жукова» и «деле Макартура» прослеживается невооружённым глазом. Оба военачальника прославились в ходе Второй мировой войны, оба были харизматичными и властными натурами, склонными к демонстративным проявлениям самостоятельности. В обоих случаях стоявшим за ними политическим руководителям пришлось прибегнуть к экстраординарным средствам для восстановления своего доминирующего положения. Детали, естественно, различались, но природа конфликта, а самое главное – пути его решения, в целом оказались сходными, хотя после громкого увольнения Жукову, в отличие от Макартура, не позволили выступить с прощальным словом перед парламентом, а Макартур, в отличие от советского маршала, после отставки не попал под негласный надзор политической полиции.

При Л.И. Брежневе, как и в эпоху Н.С. Хрущёва, личности продолжали значить в советских вооружённых силах больше, чем любые институты. Армией командовали маршалы и генералы – ветераны Великой Отечественной войны, овеянные славой победы над Германией, но их влияние имело остаточный характер. В 1976 г., после смерти министра обороны маршала А.А. Гречко, Брежнев назначил на эту должность Д.Ф. Устинова – выходца из советского военно-промышленного комплекса. Это назначение сделало тенденцию снижения совокупного аппаратного веса генералитета ещё более очевидной. Взаимоотношения армии и оборонной промышленности в послевоенном СССР чем дальше, тем больше приобретали патологические черты (Шлыков, 2002).

6 Andy J.C. Politics and the Soviet Army. Civil-military relations in the Soviet Union in the Khrushchev era, 1953–1964. A dissertation submitted by Joshua C. Andy as part of the requirements for the degree of PhD for Russian and East European studies. University of Birmingham. July 2011. P. 251.

Вместо того чтобы адаптироваться к нуждам армии, опиравшийся на всевластие правящей партии военно-промышленный комплекс предпочёл подчинить армию себе. Назначение Устинова министром и его последующий успех в закулисной противостоянии с начальником Генерального штаба Н.В. Огарковым символизировали полную и окончательную победу партии над армией. Профессиональное влияние военной элиты на формирование повестки при решении даже узковедомственных вопросов было сведено практически до нуля. Армия утратила всякие самостоятельные ориентиры и не мыслила себя вне существующей политической системы. На рубеже 1980-х – 1990-х гг. советские вооружённые силы оказались в малопочётной роли безмолвного и пассивного свидетеля разрушения породившей их страны.

После 1991 г. политический ландшафт России претерпел серьёзные изменения. Такие инициативы, как создание гражданского Министерства обороны, повышение институционального статуса Генерального штаба, вплоть до его организационного обособления от министерства, наделение Минобороны в первую очередь административно-хозяйственными функциями, подчинение Генштаба непосредственно президенту как Верховному главнокомандующему – не получили развития. Эти предложения, в случае их воплощения в жизнь, парадоксальным образом привели бы к экстраполяции на новейшие российские реалии значительной части элементов той системы высшего военного управления, которая была характерна для Германской империи до 1918 г. На пути этой трансформации встали, с одной стороны, традиционная для России проблема слабости институтов, а с другой – не менее традиционный персоналистский характер власти, которая не желала оставаться с армейской верхушкой один на один и, таким образом, становиться потенциальной жертвой давления с её стороны. Усиление институтов, связанных с высшим военным управлением, оказалось не в инте-

ресах верховной власти, поскольку это неизбежно сокращало пространство личного контроля.

Верховная власть в постсоветской России в своих взаимоотношениях с армией предпочла сохранить буфер в виде Министерства обороны. В этой промежуточной инстанции, возглавляемой человеком, особо приближённым к первому лицу государства, импульс высочайшей политической воли преломляется в практические шаги по военному строительству. Тем самым первое лицо сохраняет общий контроль над армейским аппаратом. Министр же ограждает верховного главнокомандующего от встречного давления со стороны военной элиты и общественного мнения.

Наряду с очевидными недостатками российская практика имеет целый ряд плюсов, а потому, вероятно, сохранится в России на неопределённо долгое время. Главное её достоинство заключается в скорости и оперативности принятия решений. В кризисный момент западная модель всегда рискует столкнуться с опасностью потери времени, затрачиваемого на достижение консенсуса в форме бесчисленных бюрократических согласований. Главный недостаток персоналистской модели – высокая цена ошибки в том случае, если первое лицо находится в плену предвзятой оценки обстановки.

Гражданско-военные отношения за пределами Запада

За пределами Соединённых Штатов и Западной Европы сфера гражданско-военных отношений лишь с большим трудом поддаётся формализации. Модели государственного развития и сформировавшие их исторические предпосылки слишком различаются и не дают возможности сравнивать гражданско-военные отношения в масштабе всего мира по каким-либо единым критериям.

Функции вооружённых сил, их взаимоотношения с политическим руководством, круг возлагаемых на них задач помимо тех, что непосредственно связаны с обороной страны, могут быть очень разнообразны. В Азии, где пытаются копировать форму западных национальных государств, эти государства зачастую создавались на территориях с населением, весьма различающимся по этнокультурному составу. Интеграция многочисленных этнических и религиозных сообществ в единое общегосударственное целое может быть весьма сложной задачей. Особенно если результата требуется добиться в сжатые сроки.

Армия сыграла немаловажную роль в становлении государственности такой успешной и динамичной страны, как Сингапур. После провозглашения в 1965 г. независимости его армия комплектуется на основе всеобщей воинской обязанности; 50 тыс. человек постоянно находятся на действительной, 300 тыс. – на резервистской службе (Wel-Shi, Lew, 2017, p. 9). Этого оказалось достаточно, чтобы за 50 лет в 5-миллионной стране создать новую политическую нацию из столь разнородного этнического элемента, как китайцы, индийцы и малайцы. Нигде национальное самосознание не вырабатывается быстрее, чем в ходе совместной службы в рядах вооружённых сил.

В «несостоявшихся государствах», расположившихся в Экваториальной Африке и наиболее глухих районах Азии, центральная власть и базовые государственные институты выражены очень слабо. Эти страны лишены важнейшего признака государственного суверенитета – монопольного права на осуществление легитимного насилия в пределах их международно признанных границ. Правительства в «несостоявшихся государствах» сталкиваются с острой конкуренцией со стороны разнообразных этнических, племенных, клановых и религиозных объединений, зачастую имеющих собственные вооружённые формирования.

Правительственные армии в таких странах, если номинально и существуют, не в состоянии погасить тлеющий внутренний конфликт, который может длиться десятилетиями. Именно внутренние столкновения и конфликты низкой интенсивности на просторах политически нестабильных периферийных стран начиная со второй половины XX в. становятся основной формой конфликтов, вытеснив привычные войны между государствами на второй план (Бест, 2010, с. 358, 360).

Правящие режимы в исламском мире видят в армии не только инструмент защиты страны от внешнего агрессора. Для многих из них армия выступает едва ли не главной опорой на фоне общей слабости государственной традиции и недоразвитости базовых политических институтов. Естественно, порядок гражданско-военных отношений при рассмотрении той или иной страны может различаться в деталях. Однако «общим знаменателем, – по мнению Ф. Гоб, – будет являться то, что спор идёт главным образом не о безопасности и проблемах обороноспособности государства, но о сохранении власти» (Gaub, 2016, p. 39).

В то же время монопольное положение армии как охранителя политической стабильности также может представлять опасность для правящего режима. В качестве противовеса вооружённым силам власти прибегают к созданию альтернативных военизированных силовых структур. В результате на свет могут появиться самые настоящие параллельные армии с обособленной командной иерархией, наподобие иранского Корпуса стражей исламской революции.

В Ираке при С. Хусейне республиканская гвардия имела перед армией приоритет в снабжении техникой и комплектовании личным составом, офицеры в ней получали более высокое жалованье (Scales, 1993, p. 113–114). В Саудовской Аравии национальная гвардия, вопреки названию, служит не резервом сухопутных войск, а, по сути, дублирует ар-

мию. В организационном смысле национальная гвардия полностью автономна и подчиняется отдельному главнокомандующему. Этим предотвращается концентрация критической массы силового ресурса в одних руках.

Если говорить о Китае, то в отличие от сильно милитаризованной светской культуры Запада, столетиями опиравшейся на культ ратной доблести, фигура воина в конфуцианстве никогда не была окружена таким почётом и уважением. НОАК по-прежнему остаётся в первую очередь партийной армией 80-миллионной китайской Коммунистической партии, которая видит в войсках в том числе и крайнее средство сохранения общественного порядка в критический момент (Blasko, 2012, p. 235–236). Однако китайскому руководству оказывается всё труднее игнорировать призывы избавить наконец армию от партийного контроля, деполитизировать и «национализировать» вооружённые силы (Chase et al, 2015, p. 44). Вследствие партийной природы армии в Китае существует проблема сохранения эффективного диалога между военными и партийно-политическим руководством. При этом внепартийный, гражданский контроль над армией, по существу, в Китае отсутствует (Chase et al, 2015, p. 46). В настоящее время единственным гражданским лицом в системе китайского высшего военного управления является председатель Центрального военного совета Си Цзиньпин. Военное министерство в Китае наделено в основном протокольными функциями. Гражданские специалисты, по сути, не допускаются до решения вопросов военного строительства (Chase et al, 2015, p. 46–47).

Центральный военный совет – уникальный орган китайской государственной системы. Он возглавляется лично Си Цзиньпином и выполняет не только командные, но и политические функции, обеспечивая контроль Компартии над вооружёнными силами. Совету подчиняется Генеральный штаб. Министерство национальной обороны не играет большой

роли среди прочих китайских институтов высшего военного управления. Пик его могущества пришёлся на 1950-е гг., когда министром был влиятельный маршал Пэн Дэхуай, сегодня же оно исполняет главным образом протокольные функции (Schambaugh, 2002, p. 124).

Особенностью американских аналитических материалов, касающихся темы китайского военного строительства, является навязчиво проводимая идея о якобы прямой зависимости, существующей между технологической модернизацией и политической либерализацией (Cheung, 2009, p. X). Мысль о том, что свобода отнюдь не обязательно должна выступать двигателем любого прогресса, как-то не очень популярна в среде американских экспертов. Кроме того, они часто ставят в укор китайцам «нетранспарентность» НОАК и всей китайской государственной машины.

Понятно и объяснимо стремление взглянуть на изучаемый объект в соотношении его с опытом и реалиями собственной страны. Однако даже с этой точки зрения особое положение такого учреждения, как Центральный военный совет в Китае, будет ничуть не более «аномально», чем, например, центральное положение Большого генерального штаба в Германской империи начала XX в., и уж никак не более «неправильно», чем практика США, на уровне конституции налагающая ограничения на вмешательство военных в политику. У различных стран и народов логика развития институтов высшего военного управления, как правило, вытекает из общего строя их государственной жизни и в этом смысле является исторически обусловленной.

Вряд ли возможно спорить с тем, что именно «коллективный Запад» как минимум с XVIII столетия остаётся экономическим и научно-техническим авангардом человечества. Модернизация незападных обществ была немыслима без копирования

либо частичного заимствования европейских научно-технических и управленческих достижений. Однако, несмотря на то, что вслед за знакомством с европейской наукой и техникой западные культуры неизбежно начинали испытывать на себе разнообразное влияние европейских идеологий, социальных практик, ценностей и религиозно-философских идей, автоматического размывания идентичности подвергшихся вестернизации традиционных обществ, как правило, не происходило. Они сохраняли присущую каждому из них специфику, и она неизбежно влияла на положение и статус воина внутри государства.

В традиционных патримониальных обществах отношения политической элиты и армейской верхушки регулируются посредством сложных закулисных сделок и неформальных личных договорённостей. Их истинные механизмы надёжно скрыты от глаз внешнего наблюдателя. При отсутствии гражданского общества в его западном понимании становится сложно проследить и работу механизма гражданско-военных отношений.

Утвердившиеся на Западе базовые принципы взаимодействия между армией, обществом и государством отнюдь не являются универсальными для всего человечества. Попытки экстраполировать опыт собственных стран на другие политические реалии часто не дают результата. В иных культурах и цивилизациях, будь то Китай, исламский мир или Россия, – словом, везде, где исторически нормой были иные принципы взаимодействия государственной власти и публичной сферы, не могло сложиться и гражданско-военных отношений англосаксонского типа.

Список литературы

Айрапетов О.Р. (1998). *Забытая карьера русского Мольте. Н.Н. Обручев (1830–1904)*. Санкт-Петербург: Алетей. 314.

Бест Д. (2010). *Война и право после 1945 г.* Москва: ИРИСЭН, Мысль. 675.

Ганин А.В. (2009). «Товарищ Склянский – заступитесь...». Генштабисты и чекисты в Гражданскую войну. *Родина*, (11). 78–83.

Ганин А.В. (2016). Выбор маршала Победы. Почему Борис Шапошников пошёл за красными и какую цену за это заплатил. *Родина*, (11). 37–41.

Ганин А.В. (2009). *Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны. 1917–1922 гг. Справочные материалы*. Москва: Русский путь. 894.

Гёрлиц В. (2005). *Германский Генеральный штаб. История и структура. 1657–1945*. Москва: Центрполиграф. 476.

Дельбрюк Г. (1937). *История военного искусства в рамках политической истории*. Т. 5. *Новое время*. Москва: Государственное военное издательство Наркомата обороны СССР. 400.

Деметер К. (2007). *Германский офицерский корпус в обществе и государстве. 1650–1945*. Москва: Центрполиграф. 383.

Кингстон-Макклори Э. Дж. (1957). *Руководство войной. Анализ роли политического руководства и высшего военного командования*. Москва: Издательство иностранной литературы. 343.

Люттвак Э. (2012). *Стратегия. Логика войны и мира*. Москва: Университет Дмитрия Пожарского. 390.

Самуэльсон Л. (2011). *Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941*. Москва: АИРО-XX. 294.

Смирнов А.А. (2004). «Рассолдаченная» армия: к вопросу о сломе русской военной традиции после 1917 года. *Русский Сборник. Исследования по истории России XIX–XX вв.* Т. 1. Москва: Модест Колеров. 228–236.

Смирнов А.А. (2013а). *Боевая выучка Красной Армии накануне репрессий 1937–1938 гг.* Т. 1. Москва: Родина МЕДИА. 415.

Смирнов А.А. (2013б). *Боевая выучка Красной Армии накануне репрессий 1937–1938 гг.* Т. 2. Москва: Родина МЕДИА. 565.

Смирнов А.А. (2011). *Крах 1941 – репрессии ни при чём! «Обезлавили» ли Сталин Красную армию?* Москва: Яуза. 477.

- Хеншелл Н. (2003). *Миф абсолютизма*. Санкт-Петербург: Алетейя. 271.
- Шлыков В.В. (2002). Что погубило Советский Союз? Генштаб и экономика. *Военный вестник МФИТ*, (9). 192.
- Штеменко С.М. (1981). *Генеральный штаб в годы войны*. Москва: Воениздат. 560.
- Blasko D.J. (2012). *The Chinese army today. Tradition and transformation for the 21-st century*. 2nd ed. London: Routledge. 288.
- Blom G.M. (2016). A trust-based culture shift. *Military Review*, 96 (2). 84–91.
- Chase M.S. [et al.]. (2015). *China's incomplete military transformation*. 185. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR800/RR893/RAND_RR893.pdf (Accessed: 15.05.2017)
- Cheung T.M. (2009). *Fortifying China. The struggle to build a modern defense economy*. Ithaca, London: Cornell University Press. 279.
- Cohen E.A. (2003). *Supreme command: soldiers, statesmen and leadership in wartime*. New-York.: Anchor Books. 304.
- Conquest R. (1965). *Power and policy in the USSR, the study of Soviet dynastics*. New-York.: St. Martin's Press. 485.
- Corum J.S. (1994). *The Roots of Blitzkrieg: Hans von Seeckt and German Military Reform*. Kansas: University Press of Kansas. 274.
- Desch M.C. (1999). *Civilian control of the military: the changing security environment*. Baltimore: Johns Hopkins University Press. 184.
- Feaver P.D., Kohn R.H. (2001). *Soldiers and civilians: the civil-military gap and American national security*. Cambridge: MIT Press. 584.
- Finer S.E. (2002). *The man on horseback: the role of military in politics*. New Brunswick: Transaction. 268.
- Forcade O., Duhamel E., Vial P. (dir). (1999). *Militaires en république. Les officiers, le pouvoir et la vie publique en France*. Paris: Publications de la Sorbonne. 734.
- Gaub F. (2016). Civil-military relations in the MENA: between fragility and resilience. *Chaillot Papers*, 139 (October). 41.
- Goodpaster A.J., Huntington S.P. (1977). *Civil-military relations*. Washington: American Enterprise Institute for Public Policy Research. 84.
- Griffith P. (1989). *Military thought in the French army, 1815–51*. Manchester, New-York: Manchester University Press. 239.
- Herspring D.R. (2005). *The Pentagon and the Presidency: civil-military relations from FDR to George W. Bush*. Lawrence: University Press of Kansas. 490.
- Huntington S.P. (1957). *The soldier and the state: the theory and politics of civil-military relations*. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press. 534.
- Janowitz M. (1960). *The professional soldier: a social and political portrait*. Glencoe: Free Press. 488.
- Kagan F.W. (1999). *The military reforms of Nicholas I. The origins of the modern Russian army*. New-York: St. Martin's Press. 337.
- Langston T.S. (2003). *Uneasy balance: civil-military relations in peacetime America since 1783*. Baltimore: Johns Hopkins University Press. 198.
- Lupfer T.T. (1981). The dynamics of doctrine. The changes in German tactical doctrine during the First World war. *Leavenworth Papers*, 4 (July). 73.
- McElwee W. (1974). *The art of war Waterloo to Mons*. London: Purnell Book Services Limited. 346.
- Owens M.T. (2011). *US civil-military relations after 9/11: renegotiating the civil-military bargain*. New-York: Continuum. 211.
- Rothenberg G.E. (1976). *The army of Francis Joseph*. West Lafayette, Indiana: Purdue University Press. 298.
- Samuelson L. (2000). *Plans for Stalin's War-Machine. Tukhachevskii and Military-Economic Planning, 1925–1941*. Basingstoke, London: Macmillan Press. 267.
- Scales R.H. (1993). *Certain victory. The US Army in the Gulf war*. Washington: Office of the Chief of Staff United States Army. 435.
- Schambaugh D.L. (2002). *Modernizing China's military. Progress, problems, prospects*. Berkeley, Los Angeles.: University of California Press. 375.
- Schiff R.L. (2009). *The military and domestic politics: a concordance theory of*

civil-military relations. New-York.: Routledge. 173.

Strachan H. (1984). *Wellington's legacy. The reform of the British army 1830–1854*. Manchester: Manchester University Press. 302.

Taylor B.D. (2003). *Politics and the Russian army. Civil-military relations, 1689–2000*. Cambridge: Cambridge University Press. 355.

The culture of the Chinese People's Liberation Army. (2009). Quantico: Marine Corps Intelligence Activity. 165.

Weber M. (2013). *Economy and Society*. Vol. 2. Berkeley: University of California Press. 1712.

Wel-Shi Tan F., Lew P.B.C. (2017). The role of the Singapore armed forces in forging national values, image and identity. *Military Review*, 92 (2). 8–16.

References

Airapetov O.R. (1998). *The forgotten career of the Russian Moltke*. N.N. Obruchev (1830–1904). Sankt-Peterburg: Aleteiya. 314.

Best D. (2010). *War and law after 1945*. Moskva: IRISEN, Mysl'. 675.

Blasko D.J. (2012). *The Chinese army today. Tradition and transformation for the 21-st century*. 2nd ed. London: Routledge. 288.

Blom G.M. (2016). A trust-based culture shift. *Military Review*, 96 (2). 84–91.

Chase M.S. [et al.]. (2015). *China's incomplete military transformation*. 185. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR800/RR893/RAND_RR893.pdf (Accessed: 15.05.2017)

Cheung T.M. (2009). *Fortifying China. The struggle to build a modern defense economy*. Ithaca, London: Cornell University Press. 279.

Cohen E.A. (2003). *Supreme command: soldiers, statesmen and leadership in wartime*. New-York.: Anchor Books. 304.

Conquest R. (1965). *Power and policy in the USSR, the study of Soviet dynasties*. New-York.: St. Martin's Press. 485.

Corum J.S. (1994). *The Roots of Blitzkrieg: Hans von Seeckt and German Military Reform*. Kansas: University Press of Kansas. 274.

Delbruck G. (1937). *History of military art in the framework of political history*. Vol. 5. Modern Age. Moskva: Gosudarstvennoe voennoe izdatel'stvo Narkomata oborony SSSR. 400.

Demeter K. (2007). *The German officer corps in the society and the state. 1650–1945*. Moskva: Tsentrpoligraf. 383.

Desch M.C. (1999). *Civilian control of the military: the changing security environment*. Baltimore: Johns Hopkins University Press. 184.

Feaver P.D., Kohn R.H. (2001). *Soldiers and civilians: the civil-military gap and American national security*. Cambridge: MIT Press. 584.

Finer S.E. (2002). *The man on horseback: the role of military in politics*. New Brunswick: Transaction. 268.

Forcade O., Duhamel E., Vial P. (dir). (1999). *Militaires en république. Les officiers, le pouvoir et la vie publique en France*. Paris: Publications de la Sorbonne. 734.

Ganin A.V. (2009). "Comrade Sklyansky – intercede ...". General Staff and Chekists in the Civil War. *Rodina*, (11). 78–83.

Ganin A.V. (2009). *The corps of the officers of the General Staff during the Civil War of 1917–1922*. Reference materials. Moskva: Russkii put'. 894.

Ganin A.V. (2016). The choice of Marshal of Victory. Why did Boris Shaposhnikov follow the Reds and what price did he pay for this? *Rodina*, (11). 37–41.

Gaub F. (2016). Civil-military relations in the MENA: between fragility and resilience. *Chaillot Papers*, 139 (October). 41.

Goodpaster A.J., Huntington S.P. (1977). *Civil-military relations*. Washington: American Enterprise Institute for Public Policy Research. 84.

Görlitz V. (2005). *German General Staff. History and structure. 1657–1945*. Moskva: Tsentrpoligraf. 476.

Griffith P. (1989). *Military thought in the French army, 1815–51*. Manchester, New-York: Manchester University Press. 239.

Henshell N. (2003). *The myth of absolutism*. Sankt-Peterburg: Aleteiya. 271.

Herspring D.R. (2005). *The Pentagon and the Presidency: civil-military relations from FDR to George W. Bush*. Lawrence: University Press of Kansas. 490.

Huntington S.P. (1957). *The soldier and the state: the theory and politics of civil-military relations*. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press. 534.

Janowitz M. (1960). *The professional soldier: a social and political portrait*. Glencoe: Free Press. 488.

Kagan F.W. (1999). *The military reforms of Nicholas I. The origins of the modern Russian army*. New-York: St. Martin's Press. 337.

Kingston-McClory E.J. (1957). *The management of the war. Analysis of the role of the political leadership and higher military command*. Moskva: Izdatel'stvo inostrannoi literatury. 343.

Langston T.S. (2003). *Uneasy balance: civil-military relations in peacetime America since 1783*. Baltimore: Johns Hopkins University Press. 198.

Lupfer T.T. (1981). The dynamics of doctrine. The changes in German tactical doctrine during the First World war. *Leavenworth Papers*, 4 (July). 73.

Luttwak E. (2012). *Strategy. The Logic of War and Peace*. Moskva: Universitet Dmitriya Pozharskogo. 390.

McElwee W. (1974). *The art of war Waterloo to Mons*. London: Purnell Book Services Limited. 346.

Owens M.T. (2011). *US civil-military relations after 9/11: renegotiating the civil-military bargain*. New-York: Continuum. 211.

Rothenberg G.E. (1976). *The army of Francis Joseph*. West Lafayette, Indiana: Purdue University Press. 298.

Samuelson L. (2000). *Plans for Stalin's War-Machine. Tukhachevskii and Military-Economic Planning, 1925–1941*. Basingstoke, London: Macmillan Press. 267.

Samuelson L. (2011). *Plans for Stalin's War Machine. Tukhachevskii and Military-Economic Planning, 1925–1941*. Moskva: AIRO-XX. 294.

Scales R.H. (1993). *Certain victory. The US Army in the Gulf war*. Washington: Office of

the Chief of Staff United States Army. 435.

Schambaugh D.L. (2002). *Modernizing China's military. Progress, problems, prospects*. Berkeley, Los Angeles.: University of California Press. 375.

Schiff R.L. (2009). *The military and domestic politics: a concordance theory of civil-military relations*. New-York.: Routledge. 173.

Shlykov V.V. (2002). What destroyed the Soviet Union? General Staff and Economics. *Voennyi vestnik MFIT*, (9). 192.

Shtemenko S.M. (1981). The General Staff in the years of the Second World War. Moskva: Voenizdat. 560.

Smirnov A.A. (2011). *The collapse of 1941 – nothing to do with repressions! Did Stalin "decapitate" the Red Army?* Moscow Moskva: Yauza. 477.

Smirnov A.A. (2004). «Rassoldachennaya» army: on the issue of the dismantling of the Russian military tradition after 1917. *Russian Collection. Studies on the history of Russia of 19th – 20th centuries*. V.1. Moskva: Modest Kolerov. 228–236.

Smirnov A.A. (2013a). *Military Skills of the Red Army on the eve of the repressions of 1937–1938*. Vol. 1. Moskva: Rodina MEDIA. 415.

Smirnov A.A. (2013b). *Military Skills of the Red Army on the eve of the repressions of 1937–1938*. Vol. 2. Moskva: Rodina MEDIA. 565.

Strachan H. (1984). *Wellington's legacy. The reform of the British army 1830–1854*. Manchester: Manchester University Press. 302.

Taylor B.D. (2003). *Politics and the Russian army. Civil-military relations, 1689–2000*. Cambridge: Cambridge University Press. 355.

The culture of the Chinese People's Liberation Army. (2009). Quantico: Marine Corps Intelligence Activity. 165.

Weber M. (2013). *Economy and Society*. Vol. 2. Berkeley: University of California Press. 1712.

Wel-Shi Tan F., Lew P.B.C. (2017). The role of the Singapore armed forces in forging national values, image and identity. *Military Review*, 92 (2). 8–16.

Информация об авторе

Алексей Алексеевич Кривопапов, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества»

107078, Российская Федерация, Москва,
Докучаев пер., 4
krivopalov@centero.ru
ORCID: 0000-0002-7916-036X

About the Author

Alexey A. Krivopalov, Cand. Sci. (Hist.), Researcher, Association of Independent Experts "Center for Crisis Society Studies"

4, Dokuchaev per., Moscow, Russian Federation, 107078
krivopalov@centero.ru
ORCID: 0000-0002-7916-036X